

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Национальная идея» будущего и будущее «национальной идеи».

«... будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего».

Н. Г. Чернышевский

Не стоит слишком многого ждать от конца света.

С. Е. Лец

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА: ШАНСЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТАКТИКА ЛЕВЫХ В РОССИИ

Выступление на российско-германском семинаре «Раздумья о социализме в XXI веке». Москва, 19 сентября 2000 г.

Обсуждаемая проблема имеет, как минимум, две стороны: анализ прошлого и настоящего (что стало с миром за последние 50 лет) и прогноз будущего. Причем вторая сторона проблемы представляет собой еще большие теоретические трудности, чем первая. Трудности эти, помимо общих особенностей социального прогнозирования, связанных с его объектом, порождаются двумя обстоятельствами.

Во-первых, *современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы*, причем как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен,— а в Китае даже есть пожелание недругу: чтоб тебе жить в век перемен,— но между пророками нет единства относительно того, что нас ждет впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в полной и недалекой победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация.

Во-вторых, общество в странах Восточной Европы и бывшего СССР находится в состоянии глубочайшего кризиса. Образно говоря, мы оказались в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива.

С самого начала следует подчеркнуть, что понимание термина «демократический социализм» в данном случае принципиально отличается от того, как его обычно понимают представители правой (модернистской) социал-демократии. Большинство современных социал-демократов понимают демократический социализм как общественный идеал, к которому можно стремиться, но невозможно достичь, т. е. как бесконечный процесс. Мне же, как и большинству левых, к которым я себя отношу, представляется, что демократический социализм — это модель общественной системы, характеризуемая определенным набором признаков: производство, основанное на высоких и экологически ориентированных технологиях; смешанная экономика с преобладанием общественных и коллективных форм собственности; приоритетное развитие образования, науки и культуры; ограниченное, по преимуществу основанное на результатах труда, социальное неравенство и т. д. Иначе говоря, большинство социал-демократов так или иначе ориентируются на сохранение существующей модели, тогда как большинство левых — на ее изменение. С другой стороны, и в современной России классический вариант социал-

демократии представляется неприемлемым, поскольку, прежде чем накладывать ограничения на частную собственность, ее сначала приходится вводить в полном объеме, а это вызывает движение не вперед в XXI век, но скорее назад в век XIX.

Сделав эту оговорку, начну с парадокса, который наверняка вызовет огонь критики как слева, так и справа: шансы на реализацию модели демократического социализма невысоки, но если цивилизация их упустит, резко поднимутся ее шансы на самоубийство.

В пользу возможности реализации модели демократического социализма можно предложить, как минимум, три основных аргумента, причем все они являются доказательствами не прямыми, а косвенными.

Аргумент № 1 основан на исторических аналогиях. До сих пор история не знала случаев, чтобы новая общественная формация, раз возникнув, затем безвозвратно уходила в прошлое и сменялась формацией предыдущей. Возвратные движения всегда были временными и восстанавливали прежнюю систему лишь отчасти (рабство в Америке, «второе издание крепостного права» в Европе, периоды реставрации в Англии и Франции). При этом чем больше та или иная революция выходила за пределы исторически возможных задач, тем больше (по «принципу маятника») было возвратное движение к прежней системе. Представление о социализме как о тупиковой ветви цивилизации в этом смысле расходится со всем предшествующим историческим опытом.

Аргумент № 2 исходит из исторической тенденции глобального масштаба. Сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что вектор социального движения заметно смещается влево к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный капитализм» — справедливее капитализма первоначального и т. п. Другими словами, по большому счету, более эффективное общество в конце концов оказывается и более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в конце XX века эта тенденция сменилась противоположной, вряд ли справедливо и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Наконец, аргументом № 3 могут служить тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром».

Другими словами, мы не ошибемся, сказав, что рост цивилизации в развитых странах Запада во многом тождественен ростам посткапиталистических или социалистических отношений в них. И наоборот: разрушение даже бюрократического социализма в бывшем СССР и Восточной Европе сопровождается явным понижением уровня цивилизации и нарастанием варварства.

Так, в России это разрушение сопровождалось множественными катастрофами, среди которых можно выделить, по крайней мере, шесть.

1. Катастрофа экономическая. По оценкам группы новосибирских ученых во главе с В. А. Коптюгом, в 1985—95 гг. объем сельскохозяйственного производства в России снизился в 3,6 раза, промышленного — в 5,3 (в том числе в легкой промышленности и оборонном комплексе — в 10 раз). Кризис поразил и те отрасли, которые являлись для России источником поступления валюты. За 1990—96 гг. добыча нефти уменьшилась на 44%, угля на — 38%, выработка электроэнергии — на 25%.

По данным Мирового Банка, в 2000 г. Россия окажется где-то между уровнем средне- и слаборазвитых стран по производству на душу населения, в том числе на 25—30% ниже таких стран, как Алжир, Сирия, Тунис. К примеру, в Омской области, где находится мой избирательный округ, объемы производства мяса снизились с 368 тысяч тонн в 1990 году до 83 тысяч тонн в 1998 году, молока — соответственно с 1532 тысячи тонн до 871 тысячи тонн, яиц — с 789 тысяч штук до 309 тысяч штук. Это притом, что эта область не худшая по России, она находится на уровне средних показателей.

Уже сейчас федеральный бюджет громадной России, пересчитанный в доллары, на 10% меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза — бюджета Швеции, в 3,5 раза

меньше бюджета Голландии! Похоже, до «полной и окончательной победы реформ» уже недалеко! Страной, как банкротом, управляет Международный валютный фонд!

2. Катастрофа финансовая. По сравнению с советскими временами цены выросли приблизительно в 20 тысяч раз (с учетом деноминации — в 20 раз). «Зеленым другом» теперь в стране называют не лес, но доллар. Внешний долг России вырос с 70 до ~150 миллиардов долларов (почти 3,5 тысячи миллиардов рублей при российском федеральном годовом бюджете в 575 миллиардов), что составляет 90% ВВП. По размерам внешнего долга Россия вышла на первое место в мире. Благодаря мнимым реформаторам, каждый из россиян — от новорожденного до умирающего — должен теперь иностранному «благодетелю» почти тысячу долларов. И это без учета наших «долгов» российским «олигархам»! Для того, чтобы рассчитаться с иностранными кредиторами, нам пришлось бы 6 лет оставаться без питья и хлеба. В 1998 г. каждый четвертый рубль из российского бюджета уходил на возврат долгов и проценты по ним. В 1999 г. — уже каждый третий рубль! Россия и ее финансовый центр — Москва — в любой момент могут быть объявлены банкротами.

3. Катастрофа социальная. По расчетам все тех же новосибирских ученых, в 1985—95 г. средняя заработная плата упала более чем в 3 раза (с 199 до 62 рублей с учетом инфляции); средняя пенсия — в 2,5 раза (с 74,5 до ~30 рублей). После августа 1998 г. эти показатели надо умножать, как минимум, на два. Таким образом, средний уровень жизни упал в 4—5 раз, а у некоторых групп населения — в 7 раз и более.

Честный труд вообще, квалифицированный — в особенности, обесценился как никогда. Хуже всего платят работникам оборонных предприятий, медицины, науки, образования, культуры и сельского хозяйства, к тому же, как правило, с большими задержками. Начиная с конца 1993 г. задолженность по зарплате нарастала ускоренными темпами. В 1994 г. она составляла 1,3 триллиона рублей, к концу 1996 г. — более 47 триллионов, а на 1 декабря 1998 г. (с учетом деноминации) — почти 85 млрд. рублей. Задавленные нищетой люди требуют уже не повышения заработной платы, но хотя бы ее своевременной выплаты.

По уровню социального неравенства мы «догнали и перегнали» не только Западную Европу и Японию, но и Соединенные Штаты Америки: «новые русские» покупают автомобилей «Мерседес» больше, чем вся Западная Европа и отдыхают в отелях Флориды за 3 тыс. долларов в сутки!

Еще одно «достижение реформ» — массовая безработица. По оценкам ФНПР, в России в середине 1998 г. было около 2 млн. зарегистрированных безработных, около 8,5 млн. ищущих работу, а с учетом скрытой безработицы общее количество безработных составило около 20 млн. человек! Так что граждане России, если от чего и получили независимость, так это от стабильной работы и нормальной зарплаты!

4. Катастрофа демографическая. Смертность в стране превысила рождаемость с первого года реформ: в 1992 г. — на 220 тыс. человек, в 1993 г. — на 750 тыс., в 1994 г. — на 920 тыс. человек, в 1995 г. — на 785 тыс. и т. д. Если за годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920) численность населения России сократилась на 2,8 млн. человек, то за первые пять лет «реформ» (1992—1996) потери страны за счет превышения смертности над рождаемостью составили 3 млн. 433 тыс. человек.

За десять лет «перестройки» и «реформ» уровень рождаемости в России упал почти в 2 раза; в 2 раза выросла и доля детей, родившихся больными, достигнув более 30% от общего числа новорожденных. Численность детей-инвалидов в возрасте до 16 лет выросла в 3,1 раза. Каждый третий юноша призывного возраста не может быть призван на военную службу по состоянию здоровья, в том числе до 15% не имеют необходимой массы тела.

Если нынешнее положение со смертностью и рождаемостью сохранится, то, по оценкам Госкомстата, к середине XXI в. нас останется ровно половина от нынешнего числа. К тому же Россия рискует превратиться в страну инвалидов с детства!

5. Катастрофа нравственная. Ее первое проявление — криминализация общества. Ежегодно регистрируется до 3 млн. преступлений, но на деле их значительно больше.

Общий уровень преступности увеличился в 90-х годах в 2,5 раза и продолжает расти. Количество убийств выросло в 4 раза, грабежей и разбоев — более чем в 6 раз. Тяжкие и особо тяжкие преступления составляют более 60% всех преступлений в России. Значительно вырос уровень детской преступности. По данным главного информационного центра МВД, в России состоят на учете 180 тыс. подростков, относящихся к данной группе риска. Около 100 тыс. подростков нуждаются в воспитании с применением специальных педагогических подходов.

По данным международных исследований, среди 85 стран по уровню коррупции Россия вошла в десятку самых криминальных, заняв 76-е место! Бездуховность насаждается «верхами», которые не только заполонили эфир воинствующей пошлостью, но открыто заявляют, что деньги не пахнут, и сами подают пример неразборчивости в средствах обогащения.

Россия никогда не чуждалась водки, а теперь алкоголизм стал массовым и соединился с наркоманией. По данным управления по борьбе с таможенными правонарушениями Государственного таможенного комитета России, оборот наркотиков в Российской Федерации составляет 2 млрд. долларов — почти десятая часть расходной части федерального бюджета. По оценкам МВД, в России до 4 млн. человек потребляют наркотики. Потенциальными наркоманами являются до 80% подростков. Среднестатистический московский наркоман имеет возраст 15 лет, но появились уже и 8-летние наркоманы. Потребление спирта в России составляет от 14 до 18 литров на человека, включая новорожденных и больных, при критическом для национальной безопасности уровне в 8 литров.

Социологические исследования последних лет показывают: свыше 50% молодых граждан России признают, что главным для них в жизни являются деньги. При этом 20% считают «возможным» и «нормальным» вступление в брак по расчету, 20% — получение взятки, около 10% — взять деньги силой или «взять, что плохо лежит». В сознании 17-летних криминальный авторитет ценится выше профессии милиционера, профессия телохранителя — выше офицера вооруженных сил и депутата законодательного органа, а профессии последних, в свою очередь, — выше профессии инженера, научного работника, рабочего.

6. Катастрофа геополитическая. Советского Союза (Большой России) больше нет. Россия утратила статус сверхдержавы, а мир фактически стал однополюсным — он развивается под диктовку Соединенных Штатов. По 19 из 20 показателей национальной безопасности наша страна опустилась ниже «красной черты».

Союз НАТО превратился в самый мощный в истории военно-политический блок, который все более склонен решать проблемы с помощью силы. Об этом свидетельствуют бомбардировки Ирака, война в Югославии и заявления руководителей НАТО о том, что такой опыт можно использовать и дальше.

Обещание не расширять НАТО, данное в период объединения Германии, ныне грубо нарушено: три бывших союзника России по Варшавскому Договору — Чехия, Венгрия и Польша — уже приняты в Североатлантический Альянс, а вопрос о приеме еще девяти, включая бывшие прибалтийские республики, рассматривается.

В результате разрушения Советского блока количество региональных вооруженных конфликтов, способных перерасти в конфликт глобальный, не сократилось, но значительно возросло. Платой за безумие развала стали три войны только на территории России: малая — в 1993 г. в Москве; большая, но локальная — в Чечне (1994—1996); Дагестанская и вторая Чеченская война в последние месяцы. Хотел бы ошибиться, но это не последняя кровь, которой нам приходится платить за амбиции Бориса Ельцина и его «команды».

Однако мы не можем не видеть, что трудности общества на пути к демократическому социализму едва ли не больше трудностей гомеровского Одиссея, который должен был проплыть между Сциллой и Харибдой у Геркулесовых столбов. Говоря точнее, подвиг Одиссея на этом пути человечеству придется повторить несколько раз в режиме некоего гигантского исторического слалома. Вот лишь некоторые преграды из тех, что предстоит преодолеть.

1. Совершенно очевидно, что для перехода к новому обществу необходимы, как минимум, два условия: зрелость его предпосылок и нестабильность общества старого. Иными словами, необходимы предпосылки революции социальной и революции (реформы) политической. Точно так же совершенно очевидно, что условия эти формируются не одновременно, как полагали авторы Коммунистического Манифеста, а разновременно. Я не разделяю «теории отсталости» Н. Бухарина, но простой статистический анализ показывает, что число революционных ситуаций в развитых странах в первой и во второй трети XX века было на несколько порядков больше, чем в последней его трети. По-видимому, период наибольшей нестабильности капитализма миновал, но зато предпосылки нового общества сформировались в настоящее время, как никогда прежде.

2. До сих пор на практике никому не удалось разрешить противоречие между демократической природой социальной революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Фридрих Энгельс говорил, что революция — самый авторитарный акт в истории. Макс Вебер разрабатывал идею плебисцитарной демократии и харизматического лидерства. Современные политологи доказывают, что революционные режимы в большинстве случаев становятся авторитарными. Все это свидетельствует об одном: коренная ломка или «радикальная трансформация» одной социетальной системы в другую, как правило, невозможна без сильной власти. Однако, с другой стороны, мы знаем, что диктатура пролетариата легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в гитлеров и муссолини. Диктатура же бюрократии ведет к бюрократической революции и реставрации капитализма, как это произошло во многих странах, включая Россию.

Теоретические ключи к решению этой проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие самоуправления трудящихся. Однако с помощью этих «ключей» дверь в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

3. Наконец, даже в теоретическом плане остается открытым вопрос о том, как разрешить противоречие между необходимостью большей социализации общества во имя его выживания и частными интересами крупных собственников, высших классов или отдельных государств.

Как известно, 25 лет назад Римский Клуб выступил с критикой безудержного потребления и неконтролируемого технического прогресса, предложив взамен идеи более регулируемого и справедливого общества, в котором социальное неравенство было бы поставлено под контроль. В более мягкой форме «концепции устойчивого развития» эти идеи были поддержаны Конференцией по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Интересно, что в России первой из серьезных политических сил эти идеи включила в свою программу Коммунистическая партия Российской Федерации.

Работы авторов Римского Клуба, как и документы ООН, убедительно показывают, что нынешняя модель «общества потребления» себя исчерпала. Попытка распространения этой модели на все человечество равнозначна его гибели в результате энергетического и экологического кризисов. Лозунг «Развитие вместо роста» предполагает замену этой модели иной, более регулируемой и справедливой. Не могу не заметить также, что выводы Римского Клуба в художественной форме предвосхитил известный советский писатель-фантаст Иван Ефремов, описав в романе «Час быка» возможную катастрофу современной цивилизации несколькими годами раньше, чем Д. Медоуз в своих «Пределах роста».

Однако неочевидно, что аргументы Римского Клуба или документов ООН, весьма убедительные в научном отношении, окажутся убедительными вместе с тем и для высших классов развитых стран, которым предстоит жертвовать частью богатства во имя общего выживания. Неочевидно, что альтернатива: «новая общественная модель или гибель» будет вовремя осознана широкой общественностью. Социологические опросы показывают: население способно поступиться своими материальными интересами лишь в том случае, когда катастрофа угрожает немедленно.

Нет гарантий, что человечество в целом, как и отдельный человек, в альтернативе между сиюминутными удовольствиями и продлением жизни не выберет сиюминутных

удовольствий по принципу «после нас хоть потоп!»

Совершенно очевидно, что условия для развития демократического левого движения в России иные, чем на Западе: в чем-то лучше, но в основном, пожалуй, хуже.

Существуют, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны усиливать левые настроения в России: очевидный провал политики «шоковой терапии» и особенности национального менталитета.

Что касается «шоковой терапии», то, как специалист, я мог бы быть доволен тем, что выступал против в то время, когда большинство моих коллег — народных депутатов России — были «за». На фоне восторженного хора голосов, кричащих: «Ура, реформы наконец-то начались!» — немногочисленные противники «шоковой терапии» предупреждали тогда, что вместе с этим медицинским термином стране скоро потребуются и другие: «реанимация», а возможно и «клиническая смерть». Суть политики «шоковой терапии» в России была предельно проста:

- 1) освобождение цен («Ни плана, ни рынка, а экономику распустить»¹);
- 2) всеобщая обвальная приватизация по принципу «все поделить»²;
- 3) замена бесплатных или практически бесплатных социальных услуг платными (каждый должен платить за все)³.

Впрочем, точность прогноза в случае, если этот прогноз катастрофический, является слабым утешением. Перефразируя Бисмарка, можно сказать, что неучастие в плохой политике не освобождает от ее последствий. Понятно, что множественные катастрофы, о которых речь шла выше, являются фактором роста оппозиционных настроений в стране, в том числе левых.

Другой фактор левых ориентаций массового сознания — это национальный менталитет, в котором прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнилельного характера. Специалисты в области контент-анализа давно обратили внимание на то, что «архетипы» классической российской культуры XIX века ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а скорее на нестяжательскую самореализацию, а иногда самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии с ее призывами типа «Обогащайтесь!», «Деньги не пахнут» и т. п. плохо совместима с таким культурным контекстом. Не случайно бывшие демократы в России (Г. Попов) уже с начала 90-х годов призывали «железной рукой», «административным насилием» защищать интересы новых собственников и подавлять уравнилельные настроения.

Однако роль названных выше факторов «левого поворота» весьма и весьма неоднозначна. Так, развал экономики, обнищание широких слоев вызывают скорее не левые демократические, а ультралевые и

¹ Здесь перефразируется лозунг Л. Троцкого периода споров в партии большевиков о Брестском мире: «Ни мира, ни войны, а армию распустить».

² Имеется в виду раздел государственной собственности равно между всеми гражданами.

³ При том, что зарплату ему или не доплачивают, или не платят вовсе.

крайне правые настроения, либо апатию и равнодушие к любой политике («все они там во власти одинаковы»). Что же касается представлений о равенстве, то они, во-первых, нередко имеют весьма своеобразный характер. Мне лично приходилось неоднократно наблюдать людей, которые спокойно воспринимают факты невиданного разворовывания страны, вывоза за рубеж многих миллиардов долларов, но вместе с тем не могут жить спокойно, когда у соседа заработная плата или пенсия выше на сто рублей¹. Во-вторых, уравнилельные стереотипы массового сознания, как это ни парадоксально, были использованы существующим режимом.

На последнем стоит остановиться особо. Как известно, ваучерная приватизация по Чубайсу мотивировалась именно тем, что каждый гражданин должен получить равную долю общественного богатства. При этом автор проекта многократно публично заявлял, что на ваучер каждый сможет купить «Волгу» (престижная марка автомобиля в СССР и России). Еще до начала проекта было совершенно очевидно, что данная модель

приватизации экономически вредна, социально бесполезна, но политически почти гениальна, поскольку привлекает всех и якобы в равных долях к растаскиванию общественного богатства. Выступая на съезде депутатов России в присутствии Чубайса, я говорил о том, что сторонники обвальнoй ваучеризации, как две половинки яблока, похожи на героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» Шарикова. Только он предлагал сначала все отнять, а затем поделить, эти же требуют все поделить, чтобы потом отнять! Тем не менее парадокс истории состоялся: механизм «дикого капитализма» в России был запущен с помощью стереотипов «казарменного коммунизма»!

На мой взгляд, факторы, которые в 90-х годах вызывали смещение российского политического курса вправо, значительно сильнее тех, о которых речь шла выше. Назову четыре наиболее важных.

Во-первых, это «неоконсервативная волна» — общий сдвиг вектора общественного развития вправо с конца 70-х годов, который вызвал на Западе полураспад коммунистических и ослабление социалистических партий, а на Востоке — крах большинства режимов «административного социализма».

Во-вторых, это принцип «маятника» в развитии революции и контрреволюции, наиболее ярко проявившийся в истории Франции конца XVIII-XIX веков и России XX века. Как известно, Великая Французская революция шла сначала влево до якобинской диктатуры, затем — до отказа вправо, включая реставрацию династии Бурбонов, затем вновь влево через революции 1830 и 1848 гг. до Парижской коммуны. Аналогичным образом Российская революция пережила военный коммунизм, НЭП, сталинский перелом, наконец, перестройку, превратившуюся, по меткому выражению Александра Зиновьева, в «катастрофу»². Представляется, что начавшееся после 1985 года движение маятника российской истории вправо, несмотря на незначительные промежуточные колебания, в настоящее время еще не завершено.

В-третьих, это бюрократический характер новейшей российской революции (или контрреволюции): устранение прежней власти было осуществлено не контрэлитой, а вторым эшелонem существовавшей политической элиты, при этом бюрократия в целом обменяла власть на собственность, а еще чаще умножила собственность при сохранении власти. В результате левые течения испытывают серьезные трудности в формировании собственной политической контрэлиты.

Наконец, в-четвертых, это дискредитация в общественном сознании большинства известных моделей общественного развития, в том числе, увы, и социалистической идеи. Среди многочисленных парадоксов современной России есть и такой: масса людей с левыми или даже леворадикальными настроениями испытывают аллергию при словах «коммунизм» и «социализм». Этот феномен еще ждет своего изучения социологическими методами.

Думаю, объективную тенденцию развития субъективными усилиями, несомненно, нужно пытаться изменять, но вряд ли возможно изменить. Поэтому условия деятельности левых в обозримой перспективе скорее всего будут неблагоприятными.

В России ситуация осложняется еще и тем, что на протяжении 90-х годов большинство левых организаций, включая КПРФ, отчасти занимали не свою политическую нишу, защищая не только и не столько социальные, сколько национальные интересы, и выдвигая такие лозунги, часть из которых на Западе обычно используются правыми консерваторами. Это не было случайностью, но имело веские причины.

1. В соответствии с «законом маятника» новейшие российские революционеры (или контрреволюционеры) фактически отказались от защиты государственных интересов России, что при нормальных условиях не делает ни одна политическая элита. Примеров тому огромное количество, но, может быть, самый

¹ Меньше четырех долларов США.

² Производное от перестройки и катастрофы.

яркий из них — миф о «независимости России». История знает массу случаев, когда независимости требует то или иное национальное меньшинство или его часть (Квебек в

Канаде, Северная Ирландия в Великобритании). Однако ситуация, когда Канада потребовала бы независимости от Квебека или Великобритания от Северной Ирландии, наверняка ассоциировалась бы во всем мире с театром абсурда или домом умалишенных. Но именно так вела себя новейшая российская политическая элита на рубеже 90-х годов, принимая Декларацию о суверенитете России или иницируя Соглашения в Беловежской пуще.

В таких условиях требование сохранения государственности было естественной линией поведения для левой оппозиции.

2. Выше уже отмечался российский парадокс, суть которого состоит в том, что в массовом сознании поразительным образом сочетаются левая психология с аллергией на левую идеологию. Многочисленные социологические опросы показывают, что ценности социальной справедливости в общественном сознании стоят никак не ниже ценностей индивидуальной свободы, а при альтернативной постановке вопроса до двух третей населения предпочитают справедливость. Тем не менее максимум того, что удалось собрать левым партиям и их лидерам, составлял около 40 процентов голосов. И с этим также приходилось считаться при выработке политической платформы и тактической линии.

Думаю, в настоящее время ситуация существенно изменилась. Патриотическую нишу очень активно пытается занять новый президент, и переиграть его на поле защиты государственных интересов весьма сложно: пытаюсь это сделать, легко потерять собственное политическое лицо. Очевидно, например, что в вопросе о Чечне левые не могут уподобляться Жириновскому и требовать уничтожения мятежной республики с помощью напалма и вакуумных бомб. Напротив, вполне осмысленным представляется лозунг: борьба с терроризмом, но не ценою жизней тысяч российских парней и мирных чеченцев.

Вполне назревшими представляются, по меньшей мере, два принципиальных изменения в тактике левых.

Первое из них может быть выражено формулой: меньше державности — больше социальности и человечности. Подчеркну: речь идет не об отказе от защиты национальных интересов, но о четкой их трактовке. Надо внятно заявить, что для нас, в отличие от правящей элиты, государственные интересы — это не интересы бюрократии и стоящих за ней экономических кланов, но интересы большинства народа России. Одновременно необходимо более активно использовать традиционные лозунги левых: социальные гарантии, права человека, экология, политическая свобода. Однако надо понимать, что не все требования левых политических организаций на Западе могут работать в России: если бы, например, российские левые, подобно европейским и американским коллегам, сделали бы одним из своих значимых лозунгов защиту сексуальных меньшинств, они, несомненно, крупно проиграли бы в массовом сознании.

Во-вторых, необходимо четко определить отношение левой оппозиции, в том числе ее парламентских фракций, к действующему президенту. Формулой такого отношения, на мой взгляд, должна стать конструктивная оппозиция.

Эта оппозиция должна быть конструктивной поскольку:

— конструктивность (т. е. не просто критика, но и предложение альтернативных решений) лучше по определению и лучше воспринимается массовым сознанием;

— хотя Владимир Путин принадлежал к команде Бориса Ельцина и его сторонников и был выдвинут так называемой «семьей», степень его ответственности за катастрофы в стране гораздо меньше, чем бывшего президента России;

— Владимир Путин активно пользуется патриотической риторикой, встречается с представителями патриотических организаций и газет, высказывает позитивные оценки в адрес лидеров левой оппозиции;

— произошли небольшие сдвиги в социальной политике, включая повышение пенсий и минимальной оплаты труда, хотя большая часть этих повышений была «съедена» инфляцией.

Это должна быть именно оппозиция, а не резкая критика отдельных фигур в

правительстве при умолчании относительно президента, поскольку есть серьезные доказательства того, что президент собирается продолжать праволиберальный курс, и даже сделать его еще правее. Такими доказательствами являются:

— программа Г. Грефа, предусматривающая дальнейшее сокращение социальных гарантий, бесплатной медицины, бесплатного образования, социальных льгот, повышение пенсионного возраста и приватизацию земли;

— Налоговый кодекс, по которому доходы «олигархов» будут облагаться по той же ставке, что и «доходы» рабочего, врача или работника культуры, отменяющий льготы для строительства жилья, производства и реализации медикаментов, а также для образования науки и культуры;

— проект федерального бюджета 2001 г., где на обслуживание долгов выделено 41%, а на всю социальную политику — около 15% расходной части, и где распределение доходов между центром и регионами предлагается не по принципу пятьдесят на пятьдесят, а в пропорции две трети к одной трети, разумеется, в пользу центра.

Более того, Владимир Путин пытается свернуть чуть ли не единственное достижение даже не ельцинского, а горбачевского периода, — и без того весьма ограниченную политическую свободу. К сожалению, часть моих товарищей по левому блоку не понимают, что по большому счету мы заинтересованы в демократии гораздо больше правых. Не пересказывая всех аргументов из социалистической классики, перефразирую лишь старый анекдот советского периода: «Берегите журналистов — с ними покончат, до нас доберутся!».

В итоге нельзя исключить сценария развития событий, когда режим Владимира Путина в известном смысле окажется хуже режима Бориса Ельцина и произойдет «негативная конвергенция» всего худшего из советской и постсоветской эпохи: из первой будет заимствован авторитарный режим, а из второй — экономический курс радикального либерализма, превращающий большинство населения в бедных. Однако левые должны считаться с тем, что 1) курс Владимира Путина окончательно еще не определился и 2) сам новый Президент достаточно популярен в широких слоях населения.

Возвращаясь к исходному парадоксу, можно утверждать, что реализация идеала демократического социализма равна произведению вероятностей разрешения человечеством противоречий, обозначенных выше. Если учесть, что число этих противоречий может быть расширено, а вероятность разрешения каждого из них невысока, то первое суждение парадокса о проблематичности реализации демократического социализма становится очевидным. Однако это отнюдь не снимает убедительности второго суждения, ибо в силе остаются все аргументы в пользу демократического социализма и главный из них: большая социализация является условием выживания человечества.

В итоге всего сказанного позволю себе следующий вывод. Вопрос о демократическом социализме XXI века остается открытым. Однако для левых это означает не индульгенцию на бездействие, а стимул к действиям. Популярная в России формула «За успех нашего безнадёжного дела!» — в данном случае вполне осмыслена, ибо, работая во имя своих социальных идеалов, левые тем самым работают и во имя выживания человечества.

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. М., 2001

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ. НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА И КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Среди первоочередных законов в системе образовательного законодательства автор

вполне сознательно поставил на первое место, установив, так сказать, суперприоритет, Федеральный закон «Об утверждении Национальной доктрины образования в Российской Федерации». Помимо общей аргументации, изложенной выше, следует иметь в виду, что принятие именно данного закона при соответствующей поддержке властных элит и образовательной общественности дало бы Президенту, Правительству и Парламенту шанс, во-первых, переломить негативные тенденции хронического недофинансирования образования и вывести его тем самым из экономического кризиса, а, во-вторых, преодолеть узкий горизонт политики в области образования 90-х годов (в том числе ее законодательных компонентов) и реализовать концепцию единой и целостной образовательной политики, включая все ее направления в комплексе.

Первоначальный проект Национальной доктрины образования в Российской Федерации был разработан представителями профильных парламентских комитетов, Министерства образования, Российского союза ректоров, Российской академии образования, Международной академии наук высшей школы при непосредственном участии автора, в июле 1999 г. передан рабочей группой в Правительство, а в середине января 2000 г. одобрен Всероссийским совещанием работников образования. Уже на этапе доработки в правительственной комиссии многочисленные согласования текста документа привели, с одной стороны, к неопределенности многих формулировок, а с другой — к элиминированию в значительной степени новаторского содержания, связанного со стремлением вывести проблематику образования в более широкий социокультурный контекст, используя данный институт как средство социостроительства, а в результате, по преимуществу, к традиционно ведомственному характеру документа, о чем автор и заявил на Всероссийском совещании работников образования. Тем не менее утверждение Доктрины федеральным законом даже в таком виде имело принципиальное значение для определения стратегии образовательной политики.

Однако 4 октября 2000 г. Доктрина была одобрена, во-первых, не законом, не указом Президента, но Постановлением Правительства РФ № 751, т. е. документом, имеющим наиболее низкий юридический статус среди всех названных, а, во-вторых, в радикально переработанном виде.

Радикальной переработке подверглись прежде всего нормы и нормативы финансового характера. Так, проектом Доктрины предлагалось уже на этапе 2001—2003 гг. обеспечить достижения уровня финансирования системы образования не ниже 6% от ВВП (против приблизительно 3,5% в настоящее время), а в дальнейшем довести этот показатель не менее чем до 10% от ВВП. При этом на финансирование образовательных учреждений федерального ведения на первом этапе предлагалось выделить не менее 1,5% от ВВП против 0,7% в настоящее время. В Постановлении же отсутствуют не только эти нормативы, но и гораздо более низкие показатели представленного в Госдуме варианта программы Центра стратегических разработок (программы Грефа), предлагавшей увеличение бюджетного финансирования образования за пять лет с 3,2% до 4,2% от ВВП.

Проект Доктрины предусматривал к 2003 г. введение ставок заработной платы педагогических работников на уровне, установленном федеральными законами в области образования. Постановление же содержит лишь норму об опережающем повышении заработной платы в сфере образования по сравнению с ее ростом в промышленности, причем анализ соответствующих норм Федерального закона «О федеральном бюджете на 2001 год» позволяет утверждать, что и это весьма неконкретное положение не будет реализовано.

Проект Доктрины предусматривал гарантию права всех педагогических работников образовательных учреждений для детей на получение государственной пенсии за выслугу лет при продолжении работы по специальности. Постановление заменило эту норму введением надбавки к заработной плате за соответствующий стаж работы. При этом, во-первых, не установлен конкретный размер надбавки; во-вторых, при действующем законодательстве финансирование выплаты надбавок должно осуществляться за счет региональных и местных бюджетов, не все из которых в состоянии выплачивать педагогам

даже нынешнюю заработную плату; в-третьих, как уже отмечалось, одной из функций пенсии за выслугу лет было обеспечение возможности опытному педагогу работать на неполную ставку, сохраняя прежний уровень жизни, тогда как надбавка данной функции выполнить не может, поскольку будет уменьшаться вместе с уменьшением педагогической нагрузки.

Проект Доктрины предусматривал поэтапное введение для профессорско-преподавательского состава и научных работников вузов пенсий не ниже 80% среднего размера оплаты труда по основному месту работы (что в основном соответствует Указу Президента РФ от 27 марта 1996 г. № 424). Напротив, Постановление предусматривает для названных лиц достойный уровень пенсионного обеспечения за счет средств отраслевой пенсионной системы и образовательных организаций. Тем самым, во-первых, снижается уровень социальных гарантий, во-вторых, ответственность за их реализацию снимается с государства, а в-третьих, педагогические коллективы стимулируются к действиям в направлении максимального развития платных образовательных услуг (в том числе, за счет бесплатных).

По сравнению с проектом Доктрины в Постановлении существенно ограничены (де-факто и (или) де-юре) и права граждан в области образования. Так, в разделе «Доступность образования» текст проекта гласил: «Всем гражданам Российской Федерации... обеспечивается:

— общедоступное и бесплатное среднее профессиональное образование (разработчики полагали невозможным снижать уровень гарантий прав в области образования по сравнению с действующей Конституцией.— **О. С.**);

— общедоступное дополнительное образование, для детей — на бесплатной основе (предполагает значительное расширение прав детей в области образования по сравнению с постсоветским, а отчасти — и с советским периодом.— **О. С.**)».

Эти положения в Постановлении заменены текстом: «Всем гражданам Российской Федерации... обеспечивается:

— бесплатное среднее профессиональное образование на конкурсной основе (соответствует Закону РФ «Об образовании» и фактическому положению вещей, однако противоречит действующей Конституции.— **О. С.**);

— дополнительное образование, для детей — на основе адресной финансовой поддержки детей из малообеспеченных семей (значительно сокращает сохранившуюся в постсоветский период систему гарантий прав детей в области дополнительного образования, не говоря уже о системе, существовавшей в период советский.— **О. С.**)».

Что касается стипендиального обеспечения, то вместо предусмотренного проектом Доктрины увеличения стипендий студентам не менее чем до 40% прожиточного минимума, а аспирантам — не менее чем до 70%, Постановление предполагает адресное предоставление академических и социальных стипендий без уточнения их размеров и круга получателей.

Таким образом, несмотря на формально высокую степень совпадения текста двух анализируемых документов, с точки зрения экономического и социального содержания они принципиально различны: проект Доктрины даже в «усеченном» его варианте сохранил ориентацию на осуществление модернизации страны по модели опережающего развития; Постановление, скорректировавшее Доктрину в соответствии с идеями правительственной концепции реформирования образования, также ориентировано на модернизацию страны, но по иной модели — догоняющей конвергенции.

Предложенная автором концепция российской национальной доктрины образования, даже в проекте, одобренном Всероссийским совещанием 15 января 2000 г., отразилась лишь отчасти и в весьма редуцированном виде. Однако она представлена в целом ряде публикаций, основные положения которых сводятся к следующему.

В концепции формирования системы российского образовательного законодательства национальная доктрина образования рассматривается как основополагающий государственный документ (нормативный правовой акт), устанавливающий приоритетный статус образования как социального института, стратегию развития образования на

ближайшие десятилетия и основные направления образовательной политики государства. Среди прочего, доктрина призвана определить:

- цели воспитания и обучения, выступающие как ориентиры для системы образования и педагогического сообщества, включая образ человека, гражданина, работника, который общество стремится получить «на выходе», т. е. в результате организованного образовательного процесса в соответствующих учреждениях;

- пути достижения поставленных целей посредством образовательной политики, включая приоритеты развития системы образования и образовательное воздействие всех направлений внутренней политики государства;

- ожидаемые результаты образовательной политики, включая основные параметры развития системы образования через 20—25 лет, обеспечивающие ее превращение в одну из лучших систем образования в мире, востребованность образования и формирование «культы образования» в обществе;

- социально-стратификационные ориентации системы образования (узкий круг экономической и политической элиты — либо самые широкие слои народа);

- характер управления системой образования (государственный, государственно-общественный, общественно-государственный и др.).

Разработка и утверждение доктрины необходимы современному российскому обществу, принимая во внимание:

- тенденции технологического и социального развития высокоразвитых государств, превращающие образование в важнейший фактор прогресса цивилизации, в условие ее выживания и устойчивого развития;

- глобальный кризис российского общества, выход из которого невозможен без наращивания интеллектуального потенциала нации;

- задачи обеспечения единства и национальной безопасности России, включая формирование системы патриотических гражданских ценностей.

Доктрина должна отвечать интересам всех граждан России — от дошкольника до ученого. Она призвана создать в стране условия для всеобщего образования, обеспечить максимально достижимое равенство прав граждан в области образования и возможности любому гражданину повышать образовательный уровень в течение всей жизни.

Согласно доктрине, образование признается сферой занятости, а не отвлечения ресурсов, сферой прибыльных долгосрочных инвестиций, а не растрачивания общественного богатства, сферой наращивания человеческого капитала, выраженного в способностях, трудолюбии, духовности, знаниях и нравственности.

Доктрина — вне- и надведомственный документ, обязательный для исполнения всеми органами государственной власти и местного самоуправления на территории Российской Федерации в соответствии с их компетенцией. Доктрина отражает решимость и волю государства совместно с образовательным сообществом принять на себя ответственность за настоящее и будущее отечественного образования.

Устанавливая стратегию образовательной политики, доктрина определяет необходимость и основные направления законотворческой деятельности, выступает как основа для разработки (переработки, уточнения) федеральной программы развития образования и федеральных целевых программ. Принятие нормативных правовых актов, противоречащих доктрине, в т. ч. снижающих уровень гарантий прав граждан в области образования и уровень его финансирования, не допускается.

Стратегия развития образования, утверждаемая в виде национальной доктрины и неуклонно проводимая в жизнь, должна содействовать переходу России от догоняющей модернизации к опережающему развитию. В противном случае страна рискует отстать навсегда.

Среди специалистов, поддерживающих необходимость принятия доктрины, существует широкий спектр мнений насчет того, кем и как она должна утверждаться, начиная от самых простых предложений утвердить доктрину постановлением Правительства или указом Президента и заканчивая самыми экзотическими — сделать это на съезде духовных лидеров России. На взгляд автора, доктрина должна приниматься

федеральным законом. Закон обеспечивает:

- наиболее демократическую процедуру принятия документа;
- более высокий (по сравнению с Постановлением Правительства и Указом Президента) уровень легитимации;
- большую степень согласия между общественными группами и политическими субэлитами относительно его содержания;
- относительно меньшую зависимость от политической конъюнктуры (смена Президента, Правительства или состава Парламента и т. п.) и относительно большие шансы быть исполненным.

На обсуждение общественности автором вынесен вопрос о возможности принятия доктрины на общенародном референдуме. Такая процедура возможна и без утверждения законопроекта Парламентом (что хуже), и в случае отклонения уже принятого закона Президентом (что может стать единственной формой преодоления вето). Не предвосхищая решение по этому вопросу Конституционного Суда, отметим: предварительная экспертиза показывает, что вопрос о принятии доктрины не принадлежит к кругу вопросов, проведение референдума по которым не допускается законом. Более того, Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (статья 3) предусматривает возможность вынесения на всенародное голосование законопроекта в целом. Однако, на взгляд автора, оптимальным с политико-юридической, морально-политической, политико- и юридика-технической точки зрения вариантом представляется вынесение на референдум основных положений национальной доктрины образования в Российской Федерации, о которых речь пойдет ниже.

Что касается возражений против вынесения доктрины на референдум, основывающихся на результатах социологических опросов, согласно которым проблемы образования в массовом сознании не занимают ведущих позиций, уступая по остроте восприятия проблемам уровня жизни, своевременности выплаты и размеров заработной платы, безработицы и т. п., то, во-первых, эти результаты вполне объяснимы, и в известном смысле могут рассматриваться как позитивные. Объяснимы — ибо потребность в образовании, в отличие, например, от потребности в пище, одежде и т. п., не связана напрямую с физиологией, а отсутствие заработной платы сказывается на непосредственной жизни человека несравненно быстрее, чем плохое образование. Позитив же состоит в том, что данные результаты могут рассматриваться и как косвенное свидетельство относительно более благополучного состояния системы образования по сравнению с иными социальными институтами. Во-вторых, социологические опросы показывают относительно низкий «рейтинг» образования лишь в тех случаях, когда вопрос формулируется абстрактно. Например, когда респондентов просят расположить проблемы, стоящие перед страной, по остроте и важности, образование оказывается на 10—12 месте. Когда же их просят оценить важность решения аналогичных проблем для своего ребенка, образование обычно входит в тройку приоритетов. Следовательно, поражение инициаторов вынесения на референдум доктрины отнюдь не предопределено. Напротив, как представляется, набрать необходимое число голосов его участников вполне возможно. Главная же трудность — добиться назначения такого референдума в условиях ослабления общественного влияния на политику.

Национальная доктрина образования, в особенности в ее ценностных аспектах, с необходимостью должна быть увязана с так называемой национальной идеей (термин «национальная» в применении и к доктрине, и к идее употребляется в данном случае в том же смысле, что и в словосочетании «национальная безопасность»). В постреволюционный период о необходимости разработки национальной идеи было много сказано и написано как в оппозиционных, так и в правительственных и околопрезидентских кругах. С приходом к власти нового Президента и началом периода реформирования режима проблема не утратила актуальности, хотя ее вербальное оформление на официальном уровне изменилось. Подобное стремление не случайно. В его основе лежат, как минимум, две причины.

Во-первых, потребность смысла жизни есть одна из фундаментальных потребностей

человека (К. Юнг, К. Обуховский, Л. Коган и др.). Вследствие этого общество не может долгое время эффективно развиваться в условиях ценностного вакуума либо ограничения набора ценностей лишь внесоциальными (ценностями узко трактуемой частной жизни) или антисоциальными. При этом система ценностей нации (национальная идеология) нередко приобретает форму национальной мифологии.

Во-вторых, как было показано выше, одной из закономерностей революции является экстраординарная мифологизация общественного сознания. Любая революция континентального или мирового масштаба в новое и новейшее время отмечена выдвиганием «великой идеи» — относительной продуктивной утопии. Однако новейшая российская революция, как уже отмечалось, уступала в этом отношении своим великим предшественницам, что особенно усиливает ценностный вакуум.

В отношении наиболее распространенных идеологических ориентаций, сосуществующих и (или) борющихся в настоящее время в России, можно сформулировать следующий парадокс: каждая из них содержит «зёрна истины», однако ни одна не может приниматься в «чистом» виде в качестве «национальной идеи» и не способна сама по себе создать великой продуктивной утопии, привлекательной хотя бы для относительного большинства населения. Выделим несколько типов мировоззренческих ориентаций и политических мифов, имеющих значительное число сторонников в современной России.

1. *Либерально-западническая ориентация* (точнее, либерально-американистская, поскольку в рамках западной цивилизации различия между американской и европейскими культурами, а равно и между самими европейскими культурами, весьма существенны). Достоинства этой ориентации состоят в том, что именно в рамках либерализма первоначально разработаны такие ценности, ставшие в настоящее время общецивилизационными, как политическая свобода, плюрализм, права человека и т. п. Однако в русле отечественного варианта той же идеологии был создан и активно распространялся контрпродуктивный миф об ущербности России и русского народа. И хотя в разные времена этот миф имел совершенно различный исторический смысл и был представлен идеологами с совершенно различными гражданскими позициями (от П. Я. Чаадаева до Ю. Н. Афанасьева), тем не менее содержание мифа вряд ли позволяет породившей его либеральной идеологии претендовать на роль «национальной идеи». Если к тому же принять во внимание, что попытка реализации либеральной экономической модели в российских условиях 90-х годов привела страну к крупнейшей в мирное время социально-экономической катастрофе, подобные претензии становятся и вовсе проблематичными.

Судьбу радикального либерализма разделит скорее всего и провозглашенная «молодыми реформато-рами» в 1997—1998 гг. доктрина «народного капитализма». И не потому, что сам по себе народный капитализм так уж плох. Напротив, по сравнению с существующим, криминально-бюрократическим, он представлял бы собой несомненный прогресс. Однако подобно многим другим эта идея, механически перенесенная на российскую почву, изменилась до неузнаваемости. Под «народным капитализмом» «молодые реформаторы» понимали всего лишь равные «правила игры», равный доступ к бюджету для всех компаний и банков вне зависимости от степени их близости к функционерам в структурах исполнительной власти, что, впрочем, тоже было бы шагом вперед, но по сути представляет собой всё ту же идеологию либерального капитализма. Идея же «народного капитализма», как он понимался на Западе в 60-х годах, представлена скорее некоторыми сторонниками самоуправленческого социализма, и в частности С. Н. Федоровым, пропагандировавшим идею народных предприятий, где работники должны стать совладельцами имущества и хозяевами произведенного продукта.

2. *Консервативно-почвенническая (славянофильская) ориентация*, которая нередко, но не всегда, бывает связана с православием, а иногда — с мифом об избранности русского народа, о «народе-богоносце». К достоинствам этой идейной ориентации можно отнести стремление сохранить отечественную культурную традицию (тогда как либеральные западники вольно или невольно с ней порывают) и защитить государственные интересы России (без чего невозможно восстановление экономики). Слабыми сторонами данной ориентации выступают нередко проявляющиеся у ее

сторонников претензии на исключительность, на монопольное право представлять государственную идеологию, в том числе в форме государственной религии, а иногда — антимодернизационные тенденции и национализм.

При оценке перспектив данной ориентации статья российской «национальной идеей» следует также иметь в виду, что, вопреки распространенному мнению, абсолютное большинство граждан России не могут быть отнесены к православным в строгом смысле этого слова. Хотя, согласно некоторым опросам, таковыми признают себя свыше 50% всего населения, более глубокие исследования показывают, что преобладающей религиозно-философской ориентацией населения является скорее синкретизм, включающий в себя, наряду с православием, причудливую смесь верований и суеверий (экстрасенсы, инопланетяне, астрология, реинкарнация и т. п.).

3. *Мистически-восточная ориентация*: различные варианты буддизма и дзэн-буддизма, эзотеризма, разного рода синкретические верования. Несмотря на то, что именно в контексте восточных культур (особенно индийской и тибетской) накоплен чрезвычайно богатый опыт психофизиологической саморегуляции, — опыт, элементы которого могли бы принести пользу современному человеку вне зависимости от его культурной принадлежности; несмотря на то, что эта ориентация является преобладающей у ряда народов России (калмыки, буряты, тувинцы) и имеет определенные предпосылки в отечественной культурной традиции (Е. П. Блаватская, Н. К. и Е. И. Рерихи); несмотря на то, что некоторыми сторонниками этой ориентации выдвинут миф о предназначении России быть Родиной нового или синтетического философски-религиозного мировоззрения; несмотря даже на то, что восточные верования в причудливом сочетании с другими весьма широко распространились в массовом сознании современной кризисной России, а буддизм стал модой среди значительной части творческой интеллигенции; — несмотря на все это, шансы данной идеологической ориентации стать основой российской «национальной идеи» на порядок ниже шансов предыдущих ориентаций, если просто не близки к нулю. Почти невозможно представить себе, что большинство граждан России даже в условиях глубочайшего системного кризиса и аномии примут решение изменить веками складывавшуюся культурную идентичность. И уж совсем нереальной выглядит ситуация, когда бы такое решение было одобрено российской политической и идеологической элитой.

4. *Социалистически-коммунистическая ориентация*, в рамках которой «советским марксизмом» был разработан политический миф о предназначении России стать провозвестницей новой общественной формации — моделью будущего для всего человечества.

На взгляд автора, претензию марксизма как главного выражения этой ориентации на создание строго научной теории общественного развития удалось реализовать лишь частично — в аспекте исторического и социологического познания (с учетом исторической ограниченности возможностей последнего в XIX в.). Что касается глобального социально-политического прогноза, то, хотя Маркс и стремился изъять социальную науку от всякой мифологии и утопизма, это оказалось невозможным. Не только в середине XIX в., но и в настоящее время социальные науки не достигли такого уровня развития, когда они были бы в состоянии с абсолютной достоверностью предсказывать будущее. Максимум того, что до сих пор удавалось специалистам,— это разработка основных сценариев развития социальных систем и более или менее точное определение вероятности их реализации. В действительности под именем научного социализма последователи Маркса, подобно некоторым их предшественникам, пропагандировали великую продуктивную относительную утопию.

Доказательством относительной утопичности марксистской футурологии может служить сама социальная реальность, которая, во-первых, в советскую эпоху принципиально разошлась с теорией а, во-вторых, в эпоху постсоветскую вторично показала проблематичность реализации марксистского социального идеала в данных исторических условиях. Каковы бы ни были тому причины, попытки перестройки социализма в большинстве случаев обернулись разрушением системы.

В пользу относительности и исторической продуктивности марксистской футурологической утопии говорят следующие обстоятельства:

— сокращение в «социалистический» период развития разрыва в цивилизационном плане между наиболее развитыми странами и государствами «реального социализма» по сравнению с предреволюционным периодом, как правило, более высокие темпы экономического развития в «социалистическую эпоху» по отношению к досоциалистической и постсоциалистической (заслуживает внимания мысль А. А. Зиновьева о том, что в истории России советский период есть эпоха наивысшего относительного подъема и международного влияния, однако с поправкой на то, что именно в этот период наиболее полно проявилась отмеченная В. О. Ключевским тенденция российской истории, а именно: укрепление державы ценою страданий и перенапряжения сил народа);

— серьезное позитивное влияние социалистического движения на наиболее передовые в индустриальном отношении страны с точки зрения развития в них экономического регулирования, социальных гарантий, ограничения социального неравенства, повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения и т. п.;

— все более распространяющееся, в том числе и в международных организациях, представление, согласно которому модель «потребительского общества» не реализуема для человечества в целом, существенное совпадение по многим параметрам футурологических прогнозов сторонников как постиндустриализма, так и концепции «альтернативной цивилизации» с дружно отвергнутыми марксистскими прогнозами.

Что же касается гражданских войн, массовых репрессий и других проявлений насилия, то, как уже отмечалось, они были вызваны к жизни не столько специфической формой революционной идеологии в России (идеологии большевизма), сколько отражали ситуационные закономерности революции как таковой.

Несмотря на приведенные автором и иные серьезные аргументы в пользу относительности и продуктивности социалистически-коммунистической утопии, несмотря на то, что число людей, голосующих за коммунистические организации, достигает 1/3 и более, а в целом ряде регионов коммунисты вместе с союзниками добились законодательной либо исполнительной власти, данная идеологическая ориентация в «чистом» виде вряд ли способна стать российской «национальной идеей». Главная тому причина — сформулированные выше ситуационные характеристики и закономерности революции и в частности — революционное отрицание, которое, несмотря на маятникообразные колебания общественных настроений, в конце концов не позволяет вернуться к прежней системе или идеологии как таковой. Не случайно многие избиратели, настроенные значительно левее лидеров современной КПРФ, не голосуют за коммунистов из-за стойкого неприятия наименования партии. Не случайно многие лидеры КПРФ усиленно ищут новую идеологию в виде сочетания идей социальной справедливости, государственности, а нередко и религии.

Таким образом, приходится констатировать, что, с одной стороны, политические элиты и широкие слои народа достаточно остро ощущают необходимость объединяющей «национальной идеи», а с другой — существующие культурные (в т. ч. религиозные), политические и мировоззренческие ориентации скорее разъединяют, чем объединяют нацию. И хотя очевидно, что в условиях постреволюционных руин и конфликтов зона гражданского согласия может быть лишь весьма узкой, тем не менее не лишен смысла поиск такой культурной ориентации, которая, не устраняя различий и противоречий по другим вопросам, могла бы быть принята хотя бы относительным большинством идеологически активного меньшинства и следующими в фарватере этого относительного большинства общественными группами.

Представляется, что, как минимум, наравне с другими заслуживает обсуждения следующая гипотеза: в современных российских условиях роль относительной продуктивной утопии мог бы сыграть миф о российской духовности и постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации.

Под духовностью в данном случае понимается не определенный тип религиозного мировосприятия (духовность может быть как религиозной, так и безрелигиозной, в т. ч. атеистической) и не абстрактное представление о «духе народа». Напротив, духовность интерпретируется как исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные (человеческие, «постматериальные») ценности занимают высокое (или даже ведущее) место в ценностной иерархии общества и человека. Именно такой тип ориентации был характерен для российской культуры, причем как в досоветский, так и в советский периоды, для деятелей культуры различных политических направлений и религиозных верований.

Российская духовность характеризуется здесь как миф в указанном выше неаксиологическом смысле слова, ибо она представляет собой не столько выражение особой национальной ментальности, но в значительной степени не разрушенное окончательно наследие традиционного общества. Как у любого другого народа, эта духовность может быть уничтожена либо в результате гипертрофированного и диспропорционального развития технологической цивилизации, либо вследствие крайнего обнищания населения и варваризации условий его жизни. Основные аргументы в пользу того, что представление о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могло бы стать новой «национальной идеей» (или, по крайней мере, ее важным структурным компонентом), продуктивной относительной утопией, сводятся к следующему.

Во-первых, плюралистический характер идеи, ее приемлемость для широкого спектра организаций и общественных групп. С идеей постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могут согласиться представители всех основных конфессий, религиозно-индифферентные группы населения и атеисты. Программы и выступления лидеров большей половины политически значимых общественных объединений убеждают в том, что эта идея в соответствующей интерпретации вполне может стать неким, хотя и весьма ограниченным, полем относительного согласия между ними. И, наконец, крушение мифа о быстром создании «потребительского общества» в России, перенасыщение информационных каналов пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, не говоря уже о грубом насилии и дезертизированном сексе, создают сравнительно благоприятные условия для того, чтобы «маятник» качнулся в противоположную сторону — к духовным, человеческим ценностям.

Во-вторых, соответствие идеи постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации не только традициям отечественной культуры, но и перспективам развития человечества в целом. Еще в середине XX в. появились явные признаки того, что современная модель цивилизации себя исчерпала или близка к исчерпанию. Не случайно уже первые доклады Римскому Клубу произвели впечатление разорвавшейся бомбы на фоне радужных прогнозов приверженцев «технологического оптимизма». Вывод о необходимости смены парадигмы цивилизационного развития подтвердила конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Иначе говоря, современная цивилизация поставлена (или в обозримой перспективе будет поставлена) перед альтернативой: либо изменение вектора развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до возможного самоуничтожения. В таких условиях идея постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации выглядит уже не просто как продуктивная относительная утопия, но через несколько десятилетий может стать «категорическим императивом».

Будучи продуктивной относительной утопией, миф о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации, как и любой другой политической миф, содержит в себе, наряду с мобилизационным потенциалом, и немалые опасности для общества. На определенном этапе в их числе может оказаться, например, представление политического руководства страны о том, что модернизация не является для России насущной необходимостью. В принципе данный миф может использоваться правящими

общественными группами и в целях идеологического подавления естественного стремления большинства населения к более или менее достойному уровню жизни. Поэтому продуктивность рассматриваемой утопии в качестве «национальной идеи» не абсолютна, но относительна, и может быть реализована лишь при условии ее координации с национальной доктриной образования и серьезной корректировки других направлений государственной политики.

В период концептуальной разработки и подготовки текста проекта Национальной доктрины образования в Российской Федерации в работах автора в систематизированной форме был изложен комплекс идей, которые могли бы войти (частью уже вошли) в концептуальное ядро этого документа. С точки зрения экономики образования, а равным образом — соотношения экономики и образования, к ним принадлежат следующие.

Во-первых, государство должно установить статус образования как в основном вне рыночного социального института, реализующего потребности общества и человека, используя рыночные механизмы в качестве дополнительных инструментов регулирования. Понятие социального заказа в данном случае не должно интерпретироваться в смысле редуцирования образования к одной из подсистем «сферы обслуживания» потребностей рынка вообще, а российского примитивного рынка с его разрушенными производственными структурами — в особенности. Хотя в сфере профессионального образования роль рыночных механизмов качественно отлична от образования дошкольного и общего (включая дополнительное общее), автор и в данном случае разделяет позиции, согласно которым термин «образовательные услуги» не отражает адекватно характера педагогических отношений. Образовательная политика, основанная на преимущественно рыночной интерпретации общественной роли образования, привела бы, по меньшей мере, к разрушению ценностных основ отечественной образовательной системы и еще большему ограничению права на образование лиц с низкими и средними доходами. Ввиду высокой длительности воспроизводственного цикла в образовании и его высокой инерционности восстанавливать разрушенные основы пришлось бы десятилетиями.

Во-вторых, сказанное не означает, что образование принадлежит к числу социальных институтов, лишь потребляющих ресурсы общества. Напротив, как уже неоднократно отмечалось, оно воссоздает главный ресурс — человеческий. Затраты на образование и должны рассматриваться как инвестиции в будущее.

В-третьих, необходимо, чтобы государственные и частные инвестиции в образование наращивались как в абсолютном, так и в относительном размерах (в том числе в процентах к ВВП, к расходной части бюджетов всех уровней и т. п.). При этом теоретически возможны три основные модели финансирования образования:

— модель первая — «по остаточному принципу» — использовалась в последние полтора десятилетия советского периода и в гипертрофированном виде — в период постсоветский и лишь отчасти преодолена в 2000—2001 гг. (последствия описаны выше);

— модель вторая — инфляционная, которую в начале 90-х годов пытался реализовать Верховный Совет России и его профильный комитет при противодействии исполнительной власти. При этом предполагалось, что ожидаемое увеличение уровня инфляции приблизительно в 5% в год (на фоне реального уровня в сотни процентов) многократно перекрывается в будущем экономическим и социальным эффектом от сохранения интеллектуального потенциала нации (аналогичная модель использовалась в период «шоковой терапии» в Польше);

— модель третья — инвестиционно-перераспределительная, которая связана с поисками дополнительных источников бюджетного и внебюджетного финансирования образования и требует нового курса экономической и социальной политики в целом, о чем речь пойдет ниже.

В-четвертых, на основе качественного роста уровня финансирования и изменения его модели должны быть введены новые финансовые схемы (включая предусмотренные Законом РФ «Об образовании»), предусматривающие, в частности:

— нормативное финансирование образовательных учреждений в расчете на одного обучающегося, причем в зависимости не только от типа, вида, категории и профиля

учреждения, но также от географического положения региона и, что еще более важно, от наличия или отсутствия родителей (лиц, их заменяющих), специальных потребностей, связанных с ограниченными возможностями здоровья, и уровня доходов в семье. В противном случае введение формально равных нормативов подушевого финансирования на практике привело бы лишь к усилению фактического неравенства возможностей граждан;

— в пределах средств, выделяемых регионам, частичная замена трансфертов субвенциями на цели развития образования;

— «прозрачность» финансовых схем и государственно-общественный контроль использования выделяемых средств.

В отношении целей и содержания образования к числу ключевых идей доктрины, на взгляд автора, необходимо отнести, как минимум, следующие положения.

1. *Научность*: разработка государственных образовательных стандартов и образовательных программ на основе устоявшихся научных парадигм и концепций; соответствие преподаваемого материала современным научным представлениям и критериям принадлежности к «актуальной культуре».

2. *Гражданственность и патриотизм*: отбор материала (в особенности по гуманитарным дисциплинам), а также организация образовательного процесса таким образом, чтобы у обучающихся формировались чувства любви к Отечеству, уважения к другим народам и государствам, стремление участвовать в делах общества, не ограничиваясь лишь эгоистическими интересами и т. п. Звучавшие же до недавнего времени из самых высоких властных структур стандартные призывы типа: «Позаботься о себе, своей семье — и тем самым ты позаботишься о стране» — лишь способствовали еще большей социальной атомизации, торжеству голого прагматизма и криминалитета.

3. *Светский характер образования* в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. В условиях, когда представители различных конфессий стремятся внедриться в систему образования, принцип, установленный обеими редакциями Закона РФ «Об образовании», нуждается в подтверждении на уровне национальной доктрины. В культурологическом плане изучение истории и содержания мировых религий (причем в первую очередь — традиционных для России) совершенно необходимо. Однако открывать государственные и муниципальные образовательные учреждения для представителей конкурирующих религиозных идеологий — значит рисковать появлением новых конфликтов или новых форм дискриминации обучающихся. Российское законодательство создает достаточно возможностей для того, чтобы религиозное обучение и воспитание для желающих могло осуществляться в негосударственном секторе образования, в т. ч. образовательными учреждениями соответствующих организаций.

4. *Человековедческая направленность образования*. Оставляя в стороне теоретические споры о терминах «гуманитаризация образования», «гуманизация образования» и т. п., эта формулировка фиксирует главное: образование должно по возможности смягчить противоречия технической цивилизации, связанные с односторонним развитием наук о природе в ущерб наукам о человеке, с гипертрофированным рационализмом в ущерб нравственно-эстетическому развитию, должно содействовать реализации сократовского лозунга: «Познай самого себя», формировать любовь к культуре ради культуры. Подобная ориентация образования может реализоваться как через введение в образовательные стандарты и программы соответствующих образовательных областей и предметов (этика, эстетика, человековедение и т. п.), так и путем насыщения человековедческим материалом ныне существующих курсов, причем не только гуманитарного, но также математического и естественнонаучного циклов. Наиболее эффективным представляется сочетание двух названных путей.

5. *Сочетание обучения с разнообразными видами практики*, включая физическую культуру, обслуживающий труд и общественную деятельность. Без практики любая педагогическая система оказывается односторонней и неспособной подготовить

обучающихся к жизни. Не случайно практической стороне образования уделялось и уделяется громадное внимание самыми различными педагогическими школами (в т. ч. в XX в.— от Макаренко в СССР до ряда наиболее престижных учебных заведений в США и Японии), а, например, в Великобритании утвердилась интерпретация образовательных стандартов в качестве овладения определенными компетенциями.

6. «*Инновационное обучение*». Этот термин, предложенный теоретиками Римского Клуба, предполагает опережающую подготовку детей и молодежи к жизни в условиях формирующейся новой цивилизации. При этом предполагается не только введение в образовательные стандарты и программы курсов, не освоив которые, человек окажется функционально неграмотным в постиндустриальном обществе (например, информатика). Не менее важно изменение ценностного сознания таким образом, чтобы будущий гражданин оказался способным жить, не уничтожая себе подобных и собственную планету (формирование толерантности, экологической культуры и т. п.).

С точки зрения реализации прав граждан на образование, доктрина должна включить в себя, по меньшей мере, следующие концептуальные ориентиры:

— расширение возможностей получения гражданами образования, в т. ч. в перспективе переход: к реальной общедоступности и бесплатности дошкольного образования; от общедоступности и бесплатности к всеобщности среднего (полного) общего образования; к общедоступности среднего профессионального и высшего профессионального образования;

— создание дополнительных гарантий реализации права на образование для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц с ограниченными возможностями здоровья (включая инвалидов), лиц с низкими доходами, в т. ч. путем: квотирования учебных мест, облегченной процедуры прохождения конкурса, системы специальных стипендий и (или) социального кредитования обучающихся и т. п.;

— введение специальных нормативов, устанавливающих не только минимально допустимые параметры функционирования системы образования (как это имеет место в действующих законах), но и параметры оптимальные (например, показатели, достигнутые индустриально развитыми странами — см. раздел третий).

Специального обсуждения заслуживает вопрос о целесообразности включения в доктрину в качестве стратегических ориентиров на долгосрочную перспективу параметров развития образования, прогнозируемых специалистами в постиндустриальном обществе (например, не менее 60% дипломированных специалистов и научных работников в составе занятого населения).

Что касается «продукта» системы образования, то в качестве ориентира можно было бы принять: квалифицированного работника; гражданина России, осознающего свою принадлежность к человеческой цивилизации и долю ответственности за нее; личность с развитыми духовно-нравственными потребностями. Разумеется, человек, сочетающий все эти качества в одном лице, есть некий «идеальный тип», встречающийся в жизни сравнительно редко, а особенно редко — в последние годы российской истории. Однако само наличие ориентиров, выходящих за рамки решения чисто прагматических задач, дает шанс системе образования хотя бы немного приближаться к ним, тогда как отсутствие долгосрочных целей не позволяет даже выбрать направление дальнейшего пути.

В процессе обсуждения Доктрины представителями образовательного сообщества неоднократно высказывалась надежда на то, что ее принятие способно положить конец финансово-экономическому кризису в образовании и предотвратить разрушение системы. Однако непосредственно обеспечить решение таких задач Доктрина не может, даже если ее текст будет вновь насыщен содержательными нормами и утвержден федеральным законом. По самой своей природе доктрина должна охватывать преимущественно долгосрочные цели и основные направления политики, ведущие к ним и в значительно меньшей степени срочные антикризисные меры, которым место скорее в федеральной программе развития образования.

Однако особый характер утверждения Доктрины, вплоть до всенародного референдума, способен повлиять на решение, по меньшей мере, двух главных задач: во-

первых, настроить в пользу образования общественное мнение, средства массовой информации и значительную часть политической элиты; во-вторых, убедить или заставить управленцев, от которых зависит выбор курса социально-экономической политики, хотя бы частично скорректировать в интересах образования этот курс в целом.

Координация Национальной доктрины образования и «национальной идеи» должна быть двусторонней: не только Доктрина — под «идею», но и «идея» — под Доктрину. Если, например, в качестве государственной стратегии принимается под любым наименованием идея либерального капитализма (хотя либеральный капитализм в развитых странах давно превратился в социальный), доктрина должна быть ориентирована главным образом на обслуживание рынка труда и на подготовку экономической и политической элиты из представителей истеблишмента. Если же в качестве национальной стратегии избирается переход в перспективе к «альтернативной» цивилизации или к постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации, образование должно рассматриваться в качестве самостоятельной ценности и средства развития личности. При этом социальная эффективность инвестиций в образование должна получить приоритет по сравнению с эффективностью экономической.

На основе изложенных концептуальных представлений автором совместно с группой разработчиков предложено вынести на общероссийский референдум следующие вопросы:

1. Согласны ли вы с тем, что в Конституцию Российской Федерации должны быть дополнительно включены гарантии права граждан России на бесплатное и общедоступное обучение в старших классах средней школы и в профессионально-технических училищах и часть 2 статьи 43 Конституции Российской Федерации должна быть изложена в следующей редакции:

«Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, среднего (полного) общего и начального профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

2. Согласны ли вы с тем, что сокращение числа бесплатных учебных мест на 10000 граждан России в средних профессиональных и высших учебных заведениях, а также в аспирантуре должно быть запрещено законом?

3. Согласны ли вы с тем, что необходимо утвердить федеральным законом одобренную Всероссийским совещанием работников образования Национальную доктрину образования в Российской Федерации, которая в обязательном порядке должна содержать следующие положения:

— реальное государственное обеспечение бесплатного образования всем необходимым, в том числе учебниками и информационной техникой;

— государственная поддержка малообеспеченных семей, инвалидов и детей-сирот в целях обеспечения равных экономических возможностей получения гражданами образования всех уровней;

— средняя ставка оплаты труда работников образования не может быть ниже средней заработной платы в промышленности?

Что касается корректировки различных направлений государственной политики под Национальную доктрину образования, то уже сейчас можно назвать некоторые основные направления:

— поддержка отечественного товарного производства и прежде всего высокотехнологичных его отраслей.— Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и модернизацию страны;

— стимулирование развития таких форм собственности и организации труда, которые обеспечивают участие работника в распределении полученного дохода и управлении производством (одна из возможных моделей предложена С. Н. Федоровым в известном Федеральном законе «Об акционерных обществах работников (народных предприятиях)», который в Госдуме второго созыва получил поддержку не только левой оппозиции, но и части депутатов правой ориентации). — Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в т. ч. гражданского;

— формирование системы налогообложения, направленной одновременно на стимулирование производства и ограничение социального неравенства, которое превзошло критические для национальной безопасности страны показатели. При этом доходы от «ноу-хау» должны облагаться иначе, чем доходы от операций, связанных с вывозом сырья, а доходы, использованные гражданами на получение образования в отечественных образовательных учреждениях, в отличие от затрат на престижное потребление — в определенных пределах не должны облагаться вообще (эта давняя идея автора отчасти реализована в Налоговом кодексе). — Все это имеет не только экономическое значение (фактически дополнительные инвестиции в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала»), но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно отдает приоритетное значение);

— регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человека (образование, медицина, наука, культура и т. п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства.— Это не только остановит отток квалифицированных кадров из бюджетной сферы, но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

— реализация принципа: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству — низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство;

— прямое законодательное предписание государственным и муниципальным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, — предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех СМИ в части реализации ими образовательных программ;

— государственно-общественный характер управления государственными и муниципальными СМИ. При этом создаваемые при них наблюдательные советы, в состав которых должны будут войти видные деятели культуры, философы, социологи, психологи, педагоги, должны, на взгляд автора, обеспечивать не столько представление в эфире различных политических взглядов, но прежде всего направленность «четвертой власти» не на деградацию и дегуманизацию личности, но на ее просвещение и развитие, на повышение престижа образования.

Совершенно очевидно, что данный перечень не исчерпывает всех основных направлений корректировки государственной политики, необходимой для того, чтобы приоритетное развитие сферы образования, провозглашенное Законом еще в 1992 г., из декларации стало реальностью, как не включает он и многих норм, которые уже вошли в действующее законодательство: их надо не обсуждать, а выполнять.

Не столь очевидно, но более важно другое: только принципиальная корректировка всей государственной политики с учетом ее образовательных аспектов сделает осмысленной разработку и принятие, а главное — позволит реализовать Российскую национальную доктрину образования. Одновременно такая корректировка является необходимым условием превращения в отдаленной перспективе постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации в качестве возможной «национальной идеи» в интернациональную реальность совместно с другими народами планеты.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Для того, кто прочёл или хотя бы внимательно просмотрел эту книгу, наверное, вполне ясен и смысл её названия. Озаглавив работу «Излом», я хотел ещё раз подчеркнуть главную мысль: крушение Советского Союза в конце XX века было одной из крупнейших в мировой истории катастроф, сравнимой по своему значению с падением как Западной, так и Восточно-Римской империи. Не случайно в качестве эпиграфа мною были выбраны строки Евгения Баратынского, а в качестве рабочего варианта заголовка значилось «Крушение третьего Рима». Эта всемирно-историческая катастрофа в социальном плане ознаменовала гибель общественной системы, символизировавшей

надежды многих поколений на создание справедливого общества (хотя нередко и реализовавшей их в искаженной форме), а в плане геополитическом — крах одной из ведущих мировых цивилизаций.

Подзаголовок книги ещё прозрачнее для любого человека, интересующегося политикой или политической наукой. В самый разгар «перестройки», в 1988 году появился сборник работ группы её «прорабов» под заголовком «Иного не дано». Кстати, «прорабы» тогда были во многом правы, поскольку в большинстве своем имели в виду именно реформирование, а не революционное разрушение общественной системы, требовали перемен в рамках парадигмы «социализма с человеческим лицом». Увы, стремясь максимально ускорить и углубить «реформы», они вольно или невольно запустили механизм революции, превратив в её жертву страну, а быть может, и самих себя.

И хотя, как уже не раз говорилось, в России реализовался наиболее вероятный из четырёх основных сценариев политического развития, на вопрос «Было ли иное дано?» сегодня я с полной уверенностью отвечаю утвердительно: страна вполне могла избежать множественных катастроф, если бы вместо бюрократической революции «верхи» проводили действительные демократические и социальные реформы. Рассуждения же официальных идеологов о том, что Россия шла и продолжает идти «единственно верной дорогой», — это либо «жалкий лепет оправдания», говоря поэтическим языком, либо, говоря языком философским, пародия на теорию предустановленной гармонии, высмеянную ещё Вольтером. Его доктор Панглосс повторяет: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров» даже тогда, когда его ведут на аутодафе.

Серьёзные специалисты не могут не понимать, что шансы России и её народа обрести достойное будущее минимальны по причинам социально-исторического и геополитического характера. С социально-исторической точки зрения попытка нового руководства в очередной раз «догнать цивилизацию», предварительно вернувшись к начальным этапам либерального капитализма, не может закончиться успешно, ибо противоречит как мировым тенденциям развития этой самой цивилизации, так и отечественной ментальности. Не являясь ни либеральным, ни социальным в подлинном смысле этого слова, нынешний курс будет лишь вновь и вновь воспроизводить «бандитский капитализм», крайне медленно повышая отброшенный уровень цивилизации и усиливая отставание от наиболее передовых стран Запада. Помимо всего прочего, отказ от органической модернизации в пользу «догоняющей конвергенции» чреват утратой достижений отечественной культуры, имеющих поистине мировое значение. Уже сейчас неоднократно приходится слышать от западных гостей: современная Россия всё больше напоминает ухудшенную Америку. Неожиданную актуальность в этой ситуации вновь приобретают строки Тютчева:

Напрасный труд!
Нет, их не вразумишь:
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация для них — фетиш,
Но не доступна им её идея.
Как перед ней ни гнилась, господа,
Вам не снискать признанья от Европы.

С геополитической точки зрения, как уже говорилось, Россия оказалась на рубеже трёх цивилизаций: западной, которая не готова сотрудничать с нами на равных; мусульманской, едва ли не самой пассионарной, но чреватой новыми конфликтами и рождающей исламский фундаментализм; китайской, геополитические притязания которой, весьма вероятно, будут нарастать пропорционально демографическому и экономическому росту.

В такой ситуации теоретическая и гражданская позиции автора нередко вступают в конфликт. Первая предполагает беспощадный анализ реальных проблем, а вторая — надежду на будущее и работу для него (хотя, конечно, эта надежда не может доходить до перефразированной тертуллиановой формулы: надеюсь — потому что абсурдно!). Именно

такую гражданскую позицию когда-то занимал Пётр Чаадаев, неверно истолкованный частью отечественных историков как «западник».

Тем же, кто увидит в этой книге «очернительство», «консерваторство», ностальгию по прошлому или непонимание «великих достижений» «независимой России», хочу ответить теми самыми строками, которые когда-то сделал эпиграфом к своей первой книге. Принадлежат они перу Байрона, а он был настоящий лорд, настоящий поэт и настоящий друг свободы.

Довольно демагогов без меня:
Я никогда не потакал народу,
Когда, вчерашних идолов кляня,
На новых он выдумывает моду.

Я варварство сегодняшнего дня
Не воспою, временщику в угоду,
Мне хочется увидеть поскорей
Свободный мир — без черни и царей.